

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВНОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ЗАКОНЕ ФЕОДАЛИЗМА

Б. Ф. Поршнев

Марксизм исходит из существования объективных экономических законов развития общества, не зависящих от воли и сознания людей. Вместе с тем марксизм не имеет ничего общего с вульгарно-материалистическими представлениями о стихийном и фатальном развитии экономики, происходящем будто бы помимо столкновения противоречивых экономических интересов, помимо борьбы между передовыми и отживающими общественными силами. Экономический материализм враждебен марксистско-ленинской теории классовой борьбы. Но для успешной борьбы с вульгарным экономическим материализмом опять-таки прежде всего необходимо правильно раскрыть экономические законы, управляющие общественным развитием. Если эти объективные экономические законы поняты правильно, они объясняют неизбежность во всяком антагонистическом обществе враждебных действий людей, принадлежащих к противоположным классам, неизбежность постоянного столкновения их выгод, стремлений, противоположно направленных интересов. А если экономические законы толкуются неверно, в духе вульгарной буржуазной политической экономии, в духе замазывания экономического антагонизма классов, то для классовой борьбы остаётся в лучшем случае роль привеска в общественной жизни.

В этой связи особенно важно подчеркнуть значение понятия «основной экономической закон» той или иной общественной формации. Каждой формации присущ не один экономический закон, а ряд законов, возникающих на базе данных экономических условий, законов, управляющих той или иной стороной экономической жизни, той или иной группой экономических явлений. Но среди них выделяется один, основной закон, определяющий в значительной мере все остальные.

В работе «Экономические проблемы социализма в СССР» И. В. Сталин обособил понятие основного экономического закона, выделяемого среди всех других законов данной формации, и показал его гигантское значение для понимания явлений общественной жизни. Правильно установить основной экономический закон какой-либо формации — значит найти правильный путь к пониманию всей этой общественной формации в целом. Разгромив и высмеяв домыслы Ярошенко, считавшего, что может быть не один, а несколько основных экономических законов социализма, И. В. Сталин показал, что представление о наличии нескольких основных экономических законов в каждой общественной формации противоречит самому понятию об основном законе. Основной экономический закон может быть только один в каждой общественной формации: иначе он и не назывался бы «основным». Он отражает самую сущность данной экономической системы, а тем самым ведёт к пониманию всех её сторон, всех её противоречий, всего процесса её развития.

И. В. Сталин показал это на примере основного закона капитализма, но раскрытое на примере капитализма понятие основного экономического закона относится, конечно, не только к капиталистическому способу производства. Каждая общественная формация имеет свой особый основной

экономический закон, и любой из них по отношению к своей формации играет ту же роль: он определяет не какую-либо отдельную сторону данного способа производства, не какие-либо отдельные процессы его развития, а самое его существо, то есть все главные стороны, все главные процессы, все важнейшие явления этого способа производства; он даёт возможность понять и объяснить весь процесс его исторического развития в целом.

Следовательно, основной экономический закон каждой формации, с одной стороны, является её специфическим законом, то есть он отличается от тех экономических законов, которые общи для всех формаций. С другой стороны, он отличается и от всех прочих экономических законов данной формации, являясь ключом к их пониманию; последние опираются на основной экономический закон и во всём соотнобразуются с ним.

Великая научная заслуга Маркса состоит в том, что в своём титаническом творении «Капитал» он дал анализ базиса капиталистического общества, сложной совокупности капиталистических производственных отношений. Тем самым Маркс вооружил рабочий класс знанием объективных законов бытия и гибели капиталистического строя. Что же в этом сложном научном здании должно быть названо основным экономическим законом капитализма?

Весьма широко распространено мнение, что основным экономическим открытием Маркса, главным стержнем его «Капитала», основным экономическим законом капитализма, согласно его учению, является закон стоимости, то есть закон товарного производства. Раз есть товарное производство, то из этого факта якобы с автоматической неизбежностью и логически и исторически вытекает капитализм. Между тем утверждать это может только тот, кто не хочет внимательно читать «Капитал». В главе четвёртой («Превращение денег в капитал») Маркс прямо разъясняет, что законы, раскрытые им в предыдущих главах, законы товарного и денежного обращения, присущи «самым различным общественно-экономическим формациям»¹ и ещё не дают нам капитализма, если нет налицо некоторых условий, отнюдь не зависящих от товарного и денежного обращения. Это прежде всего — наличие свободных от феодальных уз и от собственности на средства производства непосредственных производителей. Маркс просто относит вопрос о возникновении этого решающего условия капитализма в другое место своего исследования — в 24-ю и другие главы «Капитала». Он пишет в четвёртой главе об этом вопросе, который, как замечает Маркс, не интересует капиталиста: «И нас он пока интересует столь же мало. Мы теоретически исходим из фактического положения вещей, так же как владелец денег исходит из него практически»². Некоторые читатели «Капитала», не обратившие внимания на слово «пока» и не понявшие хода мысли Маркса, решили, что появление рабочей силы как товара — это простое автоматическое следствие действия законов товарного производства, простое расширение того, о чём говорилось у Маркса выше, в предыдущих главах. Прибавился лишь ещё один вид товара. Поэтому они заключили, что основным экономическим законом капитализма является закон стоимости. В сущности, они стали на точку зрения капиталистов, которые видят в рабочей силе лишь товар и ничего больше. Так всегда изображали дело оппортунисты из II Интернационала (например, Каутский в книжке «Экономическое учение Карла Маркса»).

Ещё Энгельс разъяснил всю ошибочность такого понимания «Капитала» Маркса³. Развивая марксистское учение, И. В. Сталин писал: «Не является ли закон стоимости основным экономическим законом капита

¹ К. Маркс. Капитал. Т. I. Госполитиздат. 1949, стр. 176.

² Там же, стр. 175.

³ См. Дополнение к III тому «Капитала» — «Закон стоимости и норма прибыли».

лизм? Нет. Закон стоимости есть прежде всего закон товарного производства. Он существовал до капитализма и продолжает существовать, как и товарное производство, после свержения капитализма, например, в нашей стране, правда с ограниченной сферой действия. Конечно, закон стоимости, имеющий широкую сферу действия в условиях капитализма, играет большую роль в деле развития капиталистического производства, но он не только не определяет существа капиталистического производства и основ капиталистической прибыли, но даже не ставит таких проблем. Поэтому он не может быть основным экономическим законом современного капитализма»⁴.

Столь же ненаучным является мнение, что основной экономический закон капитализма — это закон конкуренции и анархии производства. Этот закон опять-таки хоть и важен, но не вскрывает сущности капиталистической экономики.

На вопрос об основном экономическом законе капитализма на всех этапах его развития И. В. Сталин даёт ясный, точный ответ: «Более всего подходит к понятию основного экономического закона капитализма закон прибавочной стоимости, закон рождения и возрастания капиталистической прибыли. Он действительно предопределяет основные черты капиталистического производства»⁵.

Этот вывод находится в полном соответствии с учением марксизма о том, что вообще следует понимать под экономическими, производственными отношениями. Если состояние производительных сил отвечает на вопрос о том, какими орудиями производства производят люди необходимые им материальные блага, то состояние производственных отношений отвечает на другой вопрос: в чьём владении, в чьей собственности находятся средства производства, в распоряжении всего общества или в распоряжении отдельных лиц, групп, классов, использующих их для эксплуатации других лиц, групп, классов. Вот то главное, что определяет экономический базис любой общественной формации: не лежащие на поверхности явления, как, например, денежно-рыночные отношения, или, например, натуральное хозяйство, или, например, плановое хозяйство, а самое глубинное: либо перед нами общество, основанное на общественной собственности на средства производства, из чего вытекают отношения сотрудничества и взаимной помощи свободных от эксплуатации людей, либо перед нами общество, основанное на отделении непосредственных производителей от средств производства, из чего вытекают отношения эксплуатации, то есть господства одного класса над другим, экономически подчинённым классом. Формы распределения продуктов в том или ином обществе всецело зависят от конкретных форм этих основных производственных отношений. Если это общество, где непосредственные производители лишены средств производства, где царит эксплуатация, то каждая особая, специфическая для рабовладельческого, феодального или капиталистического общества форма эксплуатации и является основным экономическим законом этого общества. Закон прибавочной стоимости, закон рождения и возрастания прибыли потому и является основным экономическим законом капитализма, что в прибавочной стоимости, в прибыли выражается основное производственное отношение капиталистического способа производства — отношение между классом капиталистов, являющихся частными собственниками средств производства, и классом эксплуатируемых ими наёмных рабочих. Капитализм — это система эксплуатации наёмных рабочих капиталистами.

Маркс открыл общие законы этой системы. Он раскрыл тайну рождения и возрастания капиталистической прибыли, тайну происхождения

⁴ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат. 1952, стр. 37.

⁵ Там же, стр. 38. Ср. у В. И. Ленина: «Учение о прибавочной стоимости есть краеугольный камень экономической теории Маркса». В. И. Ленин. Соч. Т. 19, стр. 6

прибавочной стоимости. Именно потому, что Маркс раскрыл таким путём самую глубинную сущность капитализма, его великое творение «Капитал» явилось далеко не узко экономическим сочинением, оторванным от живых проявлений антагонизма классов и их борьбы, а подлинно научным объяснением живой, многогранной истории капиталистической эпохи. Это подчеркнул Ленин в полемике с народниками: «Таков скелет «Капитала». Все дело, однако, в том, что Маркс этим скелетом не удовлетворился, что он одной «экономической теорией» в обычном смысле не ограничился, что — о б ъ я с н я строение и развитие данной общественной формации и с к л ю ч и т е л ь н о производственными отношениями — он тем не менее везде и постоянно прослеживал соответствующие этим производственным отношениям надстройки, облекал скелет плотью и кровью. Потому-то «Капитал» и имел такой гигантский успех, что эта книга «немецкого экономиста» показала читателю всю капиталистическую общественную формацию как живую — с ее бытовыми сторонами, с фактическим социальным проявлением присущего производственным отношениям антагонизма классов, с буржуазной политической надстройкой, охраняющей господство класса капиталистов, с буржуазными идеями свободы, равенства и т. п., с буржуазными семейными отношениями»⁶.

Как видим, если правильно установлен основной экономический закон какой-либо общественной формации, это открывает широкий путь к монистическому, строго научному объяснению всех сторон этой общественной формации. Раз перед нами формация антагонистическая, основанная на эксплуатации классом, владеющим средствами производства, класса непосредственных производителей, лишённых средств производства, — значит, её основной экономический закон не может быть не чем иным, как законом, выражающим специфическую для этой классовой формации форму эксплуатации, экономическое отношение двух основных классов этой формации.

Хотя Маркс ограничивал свою задачу изучением одной формации, капиталистической, он должен был говорить об её генезисе и, следовательно, хоть кратко, но глубоко заглянуть в предшествующую эпоху. Маркс сделал гениальное открытие и в отношении этой предшествующей эпохи.

Если в политической экономии капитализма Маркс имел дело с огромным наследием буржуазной экономической мысли, то политическая экономия феодализма была в лучшем случае в зародыше. Теоретические воззрения о феодализме не поднимались выше туманных определений Гизо: феодализм — это соединение земельной собственности с политической властью, — и тому подобных. Это особенно оттеняет научное величие того наброска основ экономической теории феодальной формации, который мы находим в знаменитой 47-й главе третьего тома «Капитала», являющейся ныне опорной базой и исходным теоретическим пунктом для всякого историка-материалиста, изучающего любую проблему феодальной эпохи. Маркс установил здесь в главных чертах именно основной экономический закон феодализма.

Некоторые историки, экономисты, философы думают, что основным экономическим законом феодализма является закон натурального хозяйства. Другие до самого недавнего времени утверждали, что основным экономическим законом феодализма является закон внеэкономического принуждения. Как следует из всего сказанного выше, в основе таких представлений лежит общая методологическая ошибка. Основным экономическим законом для всякого классового, антагонистического общества может быть только закон, определяющий данную специфическую форму эксплуатации, данную особую форму присвоения собственниками средств производства прибавочного, неоплаченного труда производителей. Маркс прямо развивает эту мысль в той же 47-й главе третьего тома

⁶ В. И. Ленин. Соч. Т. 1, стр. 124.

«Капитала». Он пишет: «Та специфическая экономическая форма, в которой неоплаченный прибавочный труд выкачивается из непосредственных производителей, определяет отношение господства и порабощения, каким оно вырастает непосредственно из самого производства, и, в свою очередь, оказывает на последнее определяющее обратное действие. А на этом основана вся структура экономического общества, вырастающего из самых отношений производства, и вместе с тем его специфическая политическая структура. Непосредственное отношение собственников условий производства к непосредственным производителям — отношение, всякая данная форма которого каждый раз естественно соответствует определенной ступени развития способа труда, а потому и общественной производительной силе последнего, — вот в чем мы всегда раскрываем самую глубокую тайну, сокровенную основу всего общественного строя, а следовательно, и политической формы отношений суверенитета и зависимости, короче, всякой данной специфической формы государства»⁷.

Эти замечательные слова Маркса показывают, насколько неправильно было бы провозглашать решающую роль «экономики», понимая под «экономикой» всё, что угодно (рынок, торговлю, натуральное хозяйство и т. д.), но не антагонистические отношения классов. Специфическая форма эксплуатации, отношение двух основных классов, отвечающее уровню развития производительных сил и, в свою очередь, оказывающее на него определяющее обратное воздействие, — вот что, напротив, Маркс здесь выделяет как основу всего общественного строя.

Перед Марксом и стояла задача раскрыть эту «сокровенную основу» феодализма: установить, каково же было при феодализме «отношение собственников условий производства к непосредственным производителям», какова же была при феодализме «та специфическая экономическая форма, в которой неоплаченный прибавочный труд выкачивается из непосредственных производителей». Маркс нашёл ответ на этот вопрос. Он отталкивался от своего анализа капиталистического строя. При капитализме, как он показал в третьем томе «Капитала», земельная рента является всего лишь частью совокупной капиталистической прибавочной стоимости, некоторым излишком над средней прибылью, добавком, который класс капиталистов принуждён уступать собственникам земли. В экономическом смысле земельная рента здесь целиком подчинена прибыли и зависит от неё. Переходя к феодализму, Маркс установил прямо противоположную картину. Если тут и наблюдается прибыль (на ростовщический или купеческий капитал), то она, самое большее, «представляется той частью прибавочной стоимости, которую капиталист оттягал у земельного собственника». Не прибыль и, следовательно, не прибавочная стоимость, как при капитализме, а именно «рента здесь нормальная, все поглощающая, так сказать, законная форма прибавочного труда»⁸. Если в феодальном обществе и встречается прибыль, то не прибыль является тут границей ренты, как при капитализме, а, наоборот, рента является границей прибыли. Установив таким образом, что по своему экономическому содержанию феодальная земельная рента представляет нечто совершенно иное, чем капиталистическая земельная рента, ибо она нисколько не зависит от капиталистической прибавочной стоимости и прибыли, Маркс тем самым открыл феодальную земельную ренту как самостоятельное экономическое явление, как господствующее и, по его выражению, «нормальное» отношение феодализма.

Мы видели, что основным экономическим законом капитализма в наиболее общей форме следует считать закон прибавочной стоимости, закон рождения и возрастания капиталистической прибыли. Он действительно предопределяет основные черты капиталистического производства,

⁷ К. Маркс. Капитал. Т. III. Госполитиздат. 1949, стр. 804.

⁸ Там же, стр. 805.

говорил И. В. Сталин. Соответственно можно сделать вывод, что для феодализма основным экономическим законом в наиболее общей форме является закон феодальной ренты, рождение и развитие которой были в главных чертах исследованы Марксом. Можно утверждать, что открытый Марксом закон феодальной ренты действительно предопределяет основные черты феодального производства. Маркс анализировал капитализм для того, чтобы выяснить источник эксплуатации рабочего класса, прибавочную стоимость. Маркс анализировал феодализм для того, чтобы выяснить источник эксплуатации класса крепостных крестьян, феодальную ренту. В законе феодальной ренты, как в едином фокусе, отражены все производственные отношения феодализма: феодальная форма собственности на средства производства, положение и взаимоотношения социальных групп в производстве, форма распределения продуктов. Как бы ни изменялись конкретные виды и формы феодальной земельной ренты, её существо, говорит Маркс, состоит в том, что земельная рента есть единственная господствующая и нормальная форма прибавочного труда; «а это, в свою очередь, выражается в том, что она представляет единственный прибавочный труд или единственный прибавочный продукт, какой непосредственный производитель, в л а д е ю щ и й условиями труда, необходимыми для его собственного воспроизводства, должен доставить с о б с т в е н н и к у того условия труда, которое в этом состоянии охватывает все, т. е. собственнику земли; и что, с другой стороны, только земля и противостоит ему как находящееся в чужой собственности условие труда, обособившееся по отношению к нему и олицетворенное в земельном собственнике»⁹.

Поистине в феодальном антагонистическом обществе именно это отношение пронизывает собою всю жизнь, предопределяет все экономические явления и все антагонистические, враждебные друг другу экономические интересы. Как целью капиталистов при капиталистическом производстве является получение прибыли, так целью феодалов при феодальном производстве является получение ренты, то есть феодальных повинностей и податей. Но при капитализме наёмный рабочий не имеет ничего, кроме своей рабочей силы, а при феодализме непосредственный производитель имеет собственные средства производства, кроме главного — земли, которой он только «владеет», как часто говорит Маркс, на тех или иных условиях, не имея на неё с о б с т в е н н о с т и, которая принадлежит феодалу. Не внеэкономическое принуждение, а феодальная собственность на землю является основой феодализма. Но, чтобы заставить непосредственного производителя отдать свой прибавочный продукт и свой труд, земельный собственник должен был обладать ещё в той или иной степени и неполной собственностью на самого работника производства (как средством внеэкономического принуждения). Реализацией собственности феодалов на землю и неполной их собственности на работников производства является феодальная рента — крестьянские отработки, барщинные повинности, оброки, платежи помещику, монастырю, государству и т. п. Феодализм — это система эксплуатации крепостных крестьян землевладельцами-феодалами.

Среди историков высказывалось и иное мнение: феодальный способ производства — понятие якобы совсем иного рода, чем феодальная система эксплуатации; система эксплуатации, антагонизм классов якобы не характеризуют данного способа производства, напротив, представляют своего рода надстройку над данным способом производства, являются своего рода следствием существования данного способа производства. В лучшем случае система эксплуатации, антагонизм классов якобы характеризуют лишь отношения распределения, лишь формы присвоения продукта, но не формы его производства.

⁹ Там же, стр. 807.

Такие представления ошибочны. Нет никакого «производства» вне производственных отношений. Тот или иной общественный способ производства представляет собою неразрывное единство производительных сил (отношения людей к природе) и производственных отношений (отношения людей друг к другу в процессе производства). Производственные отношения преобразуются применительно к изменениям характера производительных сил и, в свою очередь, воздействуют на развитие производительных сил. Говорить же о каких-либо производительных силах, о каком-либо производстве продуктов вне определённых производственных отношений — значит отойти от марксизма. Что же понимает марксизм под производственными отношениями? Существуют ли среди них в классовом обществе одни — антагонистические, как отношения распределения продуктов, другие, глубже связанные с производством, — не антагонистические? Марксизм понимает под производственными, экономическими отношениями людей три группы явлений, зависящих одна от другой: в) форма распределения продуктов всецело зависит от б) взаимоотношения и положения в производстве социальных групп, которое, в свою очередь, вытекает из а) формы собственности на средства производства. Этим исчерпывается понятие производственных отношений. Последняя, самая глубокая из этих трёх групп экономических явлений, то есть форма собственности на средства производства, говорит нам либо об общественной собственности на средства производства (бесклассовое общество) либо о классовом антагонизме: средства производства отняты одной частью общества у другой, присвоены одним классом в целях эксплуатации другого класса. В таком обществе невозможность какого бы то ни было «производства» вне производственных отношений прежде всего в том и выражается, что для того, чтобы трудиться, производить, непосредственный производитель должен подчиниться собственнику средств производства и работать на него. У непосредственного производителя нет иной возможности соединить свою рабочую силу с другими материальными условиями производства. Производство материальных благ не предшествует здесь антагонистическим отношениям: оно само возможно здесь только в этой антагонистической общественной форме. Распределение материальных благ (их присвоение) здесь всецело вытекает из того, что само производство уже было подчинено цели создания прибавочного продукта и его присвоения собственником средств производства. Как говорит Маркс, «собственность (присвоение) есть условие производства... ни о каком производстве, а стало быть, ни о каком обществе, не может быть речи там, где не существует никакой формы собственности»¹⁰.

При этом само собой разумеется, что данные антагонистические производственные отношения, например, феодальные, отвечают исторически определённому уровню и характеру производительных сил.

Производительные силы феодального общества, если сравнивать их с производительными силами капитализма, могут быть названы низкими и рутинными, но сравнительно с производительными силами рабовладельческого общества они представляли несомненный шаг вперёд, прежде всего в главной отрасли производства того времени — в сельском хозяйстве. Феодальное производство характеризуется дальнейшим развитием земледелия, например, постепенным распространением трёхполья в ходе средневековой истории, дальнейшим развитием огородничества, лугового земледелия, маслоделия. Эти успехи сельского хозяйства стали возможными в связи с дальнейшим улучшением плавки и обработки железа, распространением разных видов железного плуга, тяжёлого и лёгкого, и некоторых других железных орудий, усовершенствованием и широким распространением водяной мельницы, а также виноградного пресса и других

¹⁰ К. Маркс. К критике политической экономии. Введение. Госполитиздат. 1951, стр. 198.

приспособлений и механизмов. Распространение ткацкого станка также играло заметную роль в развитии феодального производства. Накопление специальных производственных навыков, развитие соответствующей новой техники привели на определённой ступени развития феодального общества к возрождению в новой форме того отделения ремесленного труда от сельскохозяйственного, которое возникло ещё в дофеодальную эпоху, но кое-где в начале феодальной эпохи почти исчезло. Этот скачок в разделении общественного труда, выразившийся в образовании феодальных городов, в отделении города от деревни, был одним из важнейших моментов в развитии производительных сил феодального общества.

Техника средневекового городского ремесла характеризуется дифференциацией специальных орудий ручного производства, виртуозным мастерством производителей-ремесленников, в некоторых отраслях более или менее сложными приспособлениями (в металлообрабатывающем, кожевенном, красильном и других ремесленных производствах), ростом разделения труда внутри мастерских и между ремёслами. Рост производительных сил в условиях ручного производства проявлялся преимущественно в росте разделения труда. Всё это привело к возможности появления в конце средневековья наряду с ремесленными мастерскими мануфактурных предприятий.

Таковы основные черты производительных сил феодального общества и их развития. Данному характеру производительных сил и данному направлению их развития соответствовали феодальные производственные отношения. Феодальные производственные отношения, будучи порождены данным уровнем и характером производительных сил, определяли, в свою очередь, темпы развития производительных сил, так как являлись той общественной формой, в которой осуществлялось развитие производительных сил.

После ликвидации рабовладельческих производственных отношений феодальные производственные отношения явились такой общественной формой, которая в течение нескольких столетий делала возможным и необходимым дальнейшее развитие производительных сил. На этом этапе, то есть пока феодальные отношения, в свою очередь, не устарели и не стали тормозом, они служили главным двигателем, главным стимулом развития производительных сил.

Какая же черта феодальных производственных отношений обеспечила им эту роль могучей движущей силы в отношении производительных сил общества? Прежде всего — частичное раскрепощение непосредственного производителя по сравнению с положением раба. Получив своё хозяйство и некоторые, хотя и ограниченные, права (прежде всего право на свою жизнь — феодал может его продать, купить, но уже не может убить), непосредственный производитель стал значительно более заинтересованным в результатах своего труда, следовательно, значительно более производительным и инициативным работником. Он работает в некоторой мере для себя и своей семьи, в своём хозяйстве; раб же не имел семьи, не имел хозяйства, не был заинтересован в труде.

И. В. Сталин пишет: «Новые производительные силы требуют, чтобы у работника была какая-нибудь инициатива в производстве и склонность к труду, заинтересованность в труде. Поэтому феодал покидает раба, как не заинтересованного в труде и совершенно неинициативного работника, и предпочитает иметь дело с крепостным, у которого есть своё хозяйство, свои орудия производства и который имеет некоторую заинтересованность в труде, необходимую для того, чтобы обрабатывать землю и выплачивать феодалу натурой из своего урожая»¹¹.

Вот это и было главной чертой, обеспечившей феодальным производственным отношениям их роль могучей движущей силы в отношении

¹¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма. Госполитиздат. 1952, стр. 595.

производительных сил общества. Крестьянин, а позже и ремесленник, будучи заинтересован в результатах своего труда, вносил некоторые улучшения в процесс труда, и накопление этих незначительных улучшений в конечном счёте выражалось в росте производительных сил общества.

Основной производственной ячейкой феодального общества являлось хозяйство непосредственного производителя. Как мелкое крестьянское хозяйство, так и независимое ремесленное производство составляют базис феодального способа производства, писал Маркс. В средние века во всей Европе господствовало мелкокрестьянское хозяйство (разумеется, это не исключает в отдельные периоды и развития крупного помещичьего хозяйства).

Но при этом целью феодального производства являлось производство феодальной ренты. Правда, могущество феодала не выражается в объёме получаемой им феодальной ренты с такой простотой, с какой богатство капиталиста выражается в объёме получаемой им прибыли. Чем больше прибыли получает капиталист, тем, в конце концов, выше его удельный вес в рядах своего класса. Для феодала же в раннефеодальный период подчас важнее не столько сумма самой ренты, сколько наличие условий для её получения: размер территории, принадлежащей феодалу, и особенно количество в той или иной мере принадлежащих ему, то есть зависящих от него, мелких непосредственных производителей. В главе о так называемом первоначальном накоплении Маркс пишет: «Во всех странах Европы феодальное производство характеризуется разделением земли между возможно большим количеством леннозависимых крестьян. Могущество феодальных господ, как и всяких вообще суверенов, определялось не размерами их ренты, а числом их подданных, а это последнее зависит от числа крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство»¹². Поэтому одним из важных проявлений основного экономического закона феодализма являлось стремление феодалов оттягивать друг у друга территорию и население.

Всякий основной экономический закон, о какой бы общественной формации ни шла речь, есть в то же время закон характера развития производства. Он не только качественно отличает один тип производственных отношений от другого, но предопределяет и ход исторического движения каждого данного способа производства. И. В. Сталин показал это, сравнивая основные экономические законы современного капитализма и социализма. Удовлетворяет ли этому методологическому требованию закон феодальной ренты?

Мы допустили бы существенную неточность, если бы, по аналогии с капитализмом, сказали без оговорок, что основным экономическим законом феодализма является рождение и возрастание феодальной ренты. Постоянное, хотя бы и прерывистое, возрастание, какое свойственно капиталистической прибыли, феодальной ренте не свойственно. Феодальному производству присуща крайняя рутинность техники, а в экономических отношениях феодализма традиция играла преобладающую роль: если, скажем, повелось требовать два дня в неделю барщинного труда для земельного собственника, то уж эти два дня барщинного труда прочно установились, являются постоянной величиной, законно урегулированной обычным или писаным правом. В истории феодального производства бывали длительные периоды, характеризующиеся не расширенным, а простым воспроизводством, долгим застоём. Словом, феодальной ренте отнюдь не свойственно было постоянное возрастание. Это связано опять-таки с вопросом о цели феодального производства. «В противоположность стародворянскому принципу, — пишет Маркс, — который, по справедливому замечанию Гегеля, «состоит в потреблении имеющегося в на-

¹² К. Маркс. Капитал. Т. I, стр. 722.

личии» и особенно ярко проявляется в роскоши личных услуг, буржуазная политическая экономия считала исключительно важным провозгласить накопление капитала первой обязанностью гражданина и неустанно проповедывать это: не может накапливать тот, кто проедает весь свой доход вместо того, чтобы добрую долю его расходовать на наем добавочных производительных рабочих...»¹³.

Однако неверно было бы также думать, что масса прибавочного продукта, а тем более норма эксплуатации (то есть отношение прибавочного труда к необходимому), оставалась неизменной на протяжении феодальной эпохи. Нет, в основной экономической закон феодализма, несомненно, входит и в возрастание нормы феодальной ренты, но не в виде постоянного возрастания, а в виде смен форм феодальной ренты на протяжении феодальной эпохи. Возрастание ренты осуществлялось преимущественно путём последовательной смены одной формы ренты качественно другой формой, отвечающей более высокому уровню производительности труда непосредственных производителей и более высокому уровню эксплуатации. Если самые ранние формы, по известному саркастическому выражению Маркса, ограничивали эксплуатацию крестьян ёмкостью желудка феодала, то высшая форма феодальной ренты, денежная, открывает простор для «неутолимой жажды прибавочного труда».

Таким образом, закон феодальной ренты является не статическим законом, а законом экономического развития феодальной формации. Эксплуатация ширится и углубляется при историческом переходе от одной формы феодальной ренты к другой. Впрочем, при господстве высшей формы, то есть денежной ренты, возрастание объёма ренты, несомненно, происходит и внутри данной формы, именно поскольку она открывает простор для «неутолимой жажды прибавочного труда». При малейших благоприятных условиях феодалы, феодальное государство, ростовщики могут теперь, в условиях денежной ренты, повышать и действительно повышают эксплуатацию непосредственных производителей. Но и тут возрастание происходит не постоянно, а скачкообразно: оно совершается время от времени в виде установления какой-либо повинности, какого-либо налога или в виде волны «сеньеральной реакции» с целой группой фальсифицированных, якобы «старинных», повинностей. Однако роль традиции, обычая при денежной форме феодальной ренты значительно меньше, чем при предыдущих формах. Эта форма феодальной ренты является последней; она динамична, её развитие приводит не к появлению какой-либо новой формы феодальной ренты, а, в конце концов, к созреванию некоторых предпосылок для смены феодализма капитализмом, для гибели феодализма.

Таким образом, открытие Маркса состояло не только в установлении новой научной категории — феодальной земельной ренты, как категории, объясняющей весь феодальный экономический строй, но и в установлении последовательных, закономерно вытекающих друг из друга форм феодальной ренты.

Как известно, Маркс различает три главные формы феодальной ренты: отработочную ренту, ренту продуктами и денежную ренту. Они могут быть обозначены также как барщина, натуральный оброк и денежный оброк.

При наиболее простой и первоначальной форме ренты — отработочной ренте — присвоение землевладельцем неоплаченного чужого труда происходит в наиболее очевидном, осязательном виде, так как труд непосредственного производителя на самого себя здесь ещё отделён в пространстве и времени от его труда на земельного собственника. Крестьянин производит при этой системе необходимый продукт в своём хозяйстве, на своём «наделе», а прибавочный продукт — в барском поместье, на бар-

¹³ Там же, стр. 593—594.

ской запашке. Условием этой системы является лишь то, чтобы уровень производительности труда крестьянина, развития его рабочей силы, так же, как и естественные условия земли давали ему возможность производить нечто сверх продукта, нужного для удовлетворения его собственных необходимых потребностей. Это единственное условие, указываемое Марксом, очень важно для историков: оно объясняет, почему феодализм был возможен не только у тех народов, которые прошли через рабовладельческий строй, но и у тех народов, которые ещё только выходили из первобытно-общинной формации. Однако возможность ещё не есть действительность. Эту возможность превращает в действительность, во-первых, отношение собственности (монополия феодалов на землю) и, во-вторых, крепостническое принуждение. Благодаря этому и возникает отработочная рента. Исторические памятники раннего средневековья на Западе, как и ранней поры феодализма в России, содержат неисчерпаемый материал для изучения конкретных проявлений отработочной ренты. Важно подчеркнуть, что сюда должны быть отнесены не только работы на господском поле и луге, но и не отделившиеся ещё вполне от сельского хозяйства ремесленные работы, производившиеся теми же крестьянами (или частью из них) на господском дворе.

Вторая форма феодальной ренты — рента продуктами (натуральный оброк) — представляет существенное изменение первой, хотя экономическое существо остаётся тем же самым. Она соответствует более поздней стадии развития феодального общества; в Западной Европе мы наблюдаем её на монастырских землях и землях крупных светских феодалов как характерное явление в X—XI веках. Она отличается от первой формы земельной ренты тем, что прибавочный труд выполняется уже не в его натуральном виде, как особый труд на господина, а вместе с необходимым трудом в хозяйстве непосредственного производителя. Последний выполняет его под собственной ответственностью и располагая своим временем, а не под прямым надзором и плетью земельного собственника или его представителя. Следовательно, рента продуктами предполагает более высокий культурный и производственный уровень непосредственного производителя, более высокий уровень развития труда. При ренте продуктами крестьянин производит и необходимый и прибавочный продукт в своём хозяйстве, на своём «наделе», он уже не трудится на барской запашке или барском дворе, а должен отдавать помещику часть продукции своего хозяйства.

Рента продуктами может рассматриваться как переходная, промежуточная форма между отработочной и денежной рентой. Одни черты общи у неё с денежной рентой в отличие от отработочной, другие черты, напротив, общи у неё с отработочной рентой в отличие от денежной.

Так, общим с денежной рентой является то, что прибавочный продукт производится в хозяйстве крестьянина вместе, в нерасчлепённом единстве, в общей валовой продукции с необходимым продуктом и только затем отделяется и присваивается феодалом-землевладельцем; труд производителя на самого себя и его труд на земельного собственника уже не отделяются осязательно во времени и пространстве. Феодальное хозяйство состоит как бы из двух половин — хозяйства крестьян и хозяйства феодалов, — иначе говоря, из обработки крестьянских наделов и барской земли (барской запашки). В разных исторических условиях центр тяжести производства феодальной ренты переносится то на одну половину, то на другую: при отработочной ренте — на барское хозяйство, при ренте продуктами и денежной ренте — на крестьянское хозяйство. В первом случае феодал присваивает себе непосредственно прибавочный труд, во втором и третьем — прибавочный продукт.

Другая черта, напротив, объединяет ренту продуктами с отработочной рентой и отличает её от денежной ренты: это натуральный характер ренты. При ренте продуктами прибавочный продукт присваивается феодалом-

землевладельцем в натуральном виде, то есть в виде зерна, мяса, птицы, полотна и т. п., а не в виде выручки крестьянина от продажи этих продуктов. Обе ранние формы феодальной ренты, то есть и первая и вторая, носят натуральный характер, тогда как третья носит денежный характер.

Необходимо подчеркнуть, что речь идёт о натуральном характере именно ренты, а не хозяйства непосредственных производителей, которое и при господстве денежной ренты сохраняет черты натурального хозяйства. К любой из трёх форм ренты с известным правом могут быть отнесены слова Маркса, что она «попрежнему предполагает натуральное хозяйство, т. е. предполагает, что условия хозяйствования целиком или в подавляющей части производятся в самом хозяйстве, возмещаются и воспроизводятся непосредственно из его валового продукта»¹⁴. При денежной ренте в деньги превращается не весь крестьянский продукт, а лишь та его часть, которая составляет ренту (и в некоторой мере излишки над необходимейшими потребностями). Но всё же период господства денежной ренты знаменует совершенно новый этап в истории феодального общества, противостоящий времени господства первых двух, натуральных форм ренты.

Денежная рента не могла стать господствующей до тех пор, пока в феодальном обществе не началось широкое развитие городов — покупателей сельскохозяйственных продуктов. В Западной Европе это относится к XI—XII векам. Сначала спорадическое, затем принимающее всё более всеобщий характер превращение ренты продуктами в денежную ренту предполагает уже более значительное развитие торговли, городской промышленности, вообще товарного производства, а с ним и денежного обращения. Оно предполагает далее рыночную цену продуктов и то, что они продаются более или менее близко к своей стоимости, чего может и не быть при прежних формах.

Под денежной рентой, говорит Маркс, мы понимаем земельную ренту, возникшую из простого превращения формы ренты продуктами, как и последняя была, в свою очередь, лишь превращённой отработочной рентой. Основа, или база денежной ренты совершенно та же, что и ренты продуктами. Разница состоит лишь в том, что «вместо продукта непосредственному производителю приходится здесь уплачивать своему земельному собственнику (будет ли то государство или частное лицо) цену продукта»¹⁵. Следовательно, крестьянину недостаточно произвести в своём хозяйстве избыток продукта над тем количеством, которое нужно для покрытия необходимых потребностей и для воспроизводства хозяйства. Он должен ещё отвезти в город этот избыток, продать его, превратить его в денежную форму. Иными словами, часть его продукта должна быть произведена как товар, именно та часть, которая составляет прибавочный продукт. Как и при ренте продуктами, «непосредственный производитель попрежнему является наследственным или вообще традиционным владельцем земли, который должен отдавать господину как собственнику этого существеннейшего условия его производства избыточный принудительный труд, т. е. неоплаченный, выполняемый без эквивалента труд в форме прибавочного продукта, превращенного в деньги»¹⁶.

Однако при всём сходстве с рентой продуктами денежная рента знаменует серьёзное изменение феодальной экономики, а вместе с тем и всего феодального общества. Маркс отмечает, например, что господство денежной ренты сопровождается: 1) значительным укреплением личной собственности крестьянина на орудия и другие условия труда, отличные от земли; 2) ростом городского производства и торговли; 3) превращением прежнего традиционного обычно-правового отношения между зависимым крестьянином и земельным собственником в договорное отношение, опре-

¹⁴ К. Маркс. Капитал. Т. III. стр. 808

¹⁵ Там же, стр. 810.

¹⁶ Там же.

деляемое законом, в чисто оброчное денежное отношение; 4) появлением неимущих подёнщиков, панимающихся за деньги к лучше обеспеченным крестьянам; 5) появлением цены земли (капитализированной ренты) и купли-продажи земли. Все эти и подобные им изменения мало-помалу создают условия для возможности возникновения и качественных новых производственных отношений в деревне: капиталистических отношений. Однако Маркс подчёркивает, что отнюдь не саморазвитие денежной ренты приводит к этому результату: формирование капиталистов в деревне, говорит он, «зависит от общего развития капиталистического производства вне пределов сельского хозяйства»¹⁷. Это положение чрезвычайно важно. Оно подчёркивает, что товарно-денежная форма феодальных производственных отношений отнюдь не перерастает автоматически в капитализм. Это положение Маркса теоретически развито и углублено в словах И. В. Сталина о том, что товарное производство «существовало при феодализме и обслуживало его, однако, несмотря на то, что оно подготовило некоторые условия для капиталистического производства, не привело к капитализму»¹⁸.

В характеристике Марксом денежной ренты можно различить две стороны. С одной стороны, он говорит о её «чистой форме», о денежной ренте, поскольку она является в чистом виде, то есть как просто превращённая форма ренты продуктами¹⁹. В этом качестве денежная рента ещё полностью отвечает феодальным производственным отношениям и не содержит в себе чего-либо нефеодального, чего-либо отрицающего феодализм. С другой стороны, она подготавливает благоприятные условия для проникновения в сельское хозяйство капиталистических отношений, если капитализм вообще зародился в данном обществе, преимущественно в промышленности. В этих исторических условиях денежная рента выступает как форма разложения феодализма.

Итак, данный Марксом анализ логической и исторической преемственности друг от друга трёх форм феодальной ренты действительно говорит в то же время о возрастании феодальной ренты. Смена форм феодальной ренты отражает развитие производительных сил феодального общества, рост производительности крестьянского и ремесленного труда. В то же время она отражает усиление эксплуатации и углубление классового антагонизма. Оба антагонистических класса феодального общества были по-своему заинтересованы в постепенном переходе от одной формы ренты к другой, но интересы их были при этом противоположны. Маркс особо подчеркнул заинтересованность непосредственных производителей. Крестьянину каждая более высокая форма открывала возможность уделить больше времени своему хозяйству, открывала больший простор для его хозяйственной инициативы, делала его более заинтересованным в результатах своего труда. Уже при отработочной ренте некоторая возможность такого рода открывалась: здесь зависело от относительных размеров барщинного труда, — «в какой мере у непосредственного производителя окажется возможность улучшить свое положение, обогащаться, производить известный избыток сверх необходимых средств существования»²⁰. Допустим, он обязан был два дня в неделю работать на барщине; это величина постоянная, но производительность остальных дней в неделю, которыми может располагать сам непосредственный производитель, есть величина переменная, которая необходимо развивается в процессе его опыта. Характерно, что в числе стимулов, поощряющих крестьянина к усиленному напряжению рабочей силы в земледелии и домашней деревенской промышленности, уже на этой ступени, когда рента носит ещё натуральный характер, Маркс указывает

¹⁷ Там же, стр. 812.

¹⁸ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 15.

¹⁹ К. Маркс. Капитал. Т. III, стр. 811, 815.

²⁰ Там же, стр. 805.

расширение рынка для его продукта²¹. Избыток своего продукта, ускользающий от феодала, крестьянин стремится превратить в товар, чтобы на вырученные деньги удовлетворить какие-либо новые потребности. Тем более при ренте продуктами прибавочный труд, достающийся феодалу, может и не исчерпывать всего избыточного труда крестьянской семьи. «Напротив, — говорит Маркс, — производителю дается здесь, по сравнению с отработочной рентой, больший простор для того чтобы найти время для избыточного труда, продукт которого принадлежит ему самому совершенно так же, как продукт его труда, удовлетворяющий его необходимые потребности»²². Следовательно, при ренте продуктами крестьянин стремится ещё более повысить производительность своего труда, хотя и немногие из крестьян практически выигрывают от этого. Наконец, при денежной ренте ещё более возрастает возможность извлечения крестьянином из своего хозяйства избытка дохода сверх всех феодальных платежей, и он в самом деле ищет всяческих средств к этому, вплоть до эксплуатации своих более бедных соседей в качестве батраков.

Таким образом, мы ясно видим, что феодальные производственные отношения не только соответствовали характеру производительных сил, но и, в свою очередь, служили главной и решающей силой, определявшей развитие производительных сил. Смена форм феодальной ренты, отражавшая состояние производительных сил, в свою очередь, служила главным двигателем развития производительных сил, так как побуждала непосредственных производителей повышать производительность и интенсивность своего труда. Но господствующий феодальный класс обращал основную долю этих усилий в свою пользу. Феодалы тоже были заинтересованы в переходе от одной формы феодальной ренты к следующей, так как это открывало возможность увеличить объём получаемой ренты. Если при натуральных формах ренты феодал в общем брал не больше, чем потреблял в натуре сам со своей дворней и дружиной, то при денежной ренте он удовлетворял всё более и более расширявшиеся потребности. Переход от одной формы ренты к другой, будучи выражением роста производительных сил, совершался в процессе столкновения и борьбы этих противоположных стремлений крестьян и феодалов и неумолимо всё более углублял противоположность их интересов.

Следует подчеркнуть, что в чистом виде три формы феодальной ренты существуют лишь в экономической теории. В исторической действительности разные формы наблюдаются одновременно и совместно, только какая-либо одна из форм всегда оказывается господствующей, ведущей. Рента продуктами постоянно в большей или меньшей мере сопровождается остатками отработочной ренты. И, в свою очередь, «обломки» ренты продуктами встречаются позже, при господстве денежной ренты. Маркс с присущим ему глубочайшим историзмом неустанно подчёркивает это слияние разных форм в конкретной действительности. Он ссылается, в частности, на пример слияния денежной ренты с остатками её прежних форм во Франции перед революцией XVIII века. Однако, оговаривается Маркс, «мы не можем разбирать бесконечные различные комбинации, в которых различные формы ренты могут сочетаться, фальсифицироваться и сливаться»²³. Действительно, это выходит за рамки экономической теории.

Тем не менее об одной такой комбинации здесь необходимо сказать несколько слов. Дело идёт о барщинно-крепостнической системе, которая развилась в поздние столетия феодальной эпохи, начиная с XVI в., в некоторых странах Восточной Европы: в России, Пруссии, Польше и т. д. На первый взгляд это просто регресс, возврат к господству первой формы ренты — к отработочной ренте (барщина). Однако в действительности это особая, смешанная форма: с одной стороны, здесь налицо признаки

²¹ См. там же, стр. 807.

²² Там же, стр. 808.

²³ Там же, стр. 809.

первой формы (прибавочный продукт производится в хозяйстве феодала, применяется жесточайшее принуждение), с другой — признаки третьей формы, так как продукт производится не для потребления в натуре, а для продажи, для рынка, но только связь с рынком осуществляется не крестьянским хозяйством, а хозяйством феодала. Рынок такой крупный помещик-крепостник находил либо внутри страны, сбывая продукты крестьянского труда в города, либо вне страны, сбывая этот продукт в те страны, где собственного производства сельскохозяйственных продуктов было недостаточно.

Конкретной иллюстрацией этой комбинированной формы может служить пример, который разобран Марксом в главе 8-й первого тома «Капитала» («Рабочий день»): пример валашского и молдавского барщинно-крепостнического хозяйства. С одной стороны, Маркс указывает здесь черты, свойственные первой форме феодальной ренты: необходимый труд, который выполняет валашский крестьянин для поддержания собственного существования, пространственно отделён от его прибавочного труда на боярина. Первый труд он выполняет на своём собственном поле, второй — в господском поместье. Обе части рабочего времени существуют поэтому самостоятельно, одна рядом с другой. В форме барщинного труда прибавочный труд точно отделён от необходимого труда. Здесь, как и обычно при отработочной ренте, из барщины возникало крепостное состояние. Но, с другой стороны, валашский и молдавский аграрный строй XVIII—XIX вв. характеризуется такими признаками, которые отнюдь не свойственны самой ранней форме феодальной ренты, а, напротив, свойственны самой поздней форме. При ранней форме, при натуральной отработочной ренте, «прибавочный труд ограничивается более или менее узким кругом потребностей... из самого характера соответственного производства не вытекает безграничной потребности в прибавочном труде»²⁴, напротив, в Валахии и Молдавии эксплуатация характеризуется «неутолимой жадой прибавочного труда». «Органический регламент» 1831 г. был выражением этой неутолимой жажды. Маркс вскрывает и действительную, необычайно высокую норму эксплуатации, царившую в Валахии и Молдавии, почти приближавшуюся к норме эксплуатации на капиталистической фабрике: «узаконенное» отношение барщинного труда к необходимому здесь составляло 66,6%, фактически же было значительно выше. Один «упоенный победой боярин» восклицал, что на деле барщина составляет 365 дней в году! Из всего этого видно, что комбинированная форма ренты, подобная валашской, отвечает не ранней, а поздней ступени развития производительности труда и нормы эксплуатации в феодальном обществе. Валашко-молдавский пример, разобранный Марксом, показывает путь для такого же анализа барщинно-крепостнической системы и в других странах Восточной Европы.

Таковы главные формы феодальной земельной ренты и их историческое движение.

Подведём итог. Маркс не оставил сжатой исчерпывающей формулировки основного экономического закона феодализма. Но у Маркса мы находим важнейшие научные положения, характеризующие главные черты и требования основного экономического закона феодализма: обеспечение феодальной земельной ренты, как специфической формы, в которой прибавочный труд или прибавочный продукт выкачивается из непосредственных производителей собственниками земли; обеспечение условий возрастания этой ренты, во-первых, путём увеличения территории и числа зависимых крестьян, во-вторых, путём перехода от одной формы ренты к последующей на базе роста производительности труда крестьян и ремесленников. Привести все эти и другие рассмотренные выше элементы закона феодальной ренты, указанные Марксом, к лаконичной, единой

стройной формуле — дело дальнейшего творческого труда экономистов и историков.

Закон феодальной ренты и смены её форм, открытый Марксом и обоснованный им в 47-й главе третьего тома «Капитала», служит единственным подлинно научным основанием для изучения истории феодальной эпохи. Историк должен исходить из этого основного экономического закона феодализма, существовавшего, как и всякий объективный закон материального мира, независимо от воли и сознания людей. Этот закон надо не только знать, его надо творчески конкретизировать и тем самым всё более углублять его знание. И. В. Сталин показал на примере капитализма, что, наряду с самой общей формулировкой основного экономического закона капиталистической формации в целом, этот закон может быть конкретизирован и развит дальше, применительно к условиям одной стадии — монополистического капитализма. Основной экономический закон феодальной формации тоже должен быть конкретизирован и развит применительно к условиям той или иной из главных стадий развития феодализма. Это большая творческая задача историков и экономистов.

Но как бы мы ни конкретизировали и ни развивали основной экономический закон феодализма, его основным содержанием неизменно останется раскрытие специфической для данной эпохи формы эксплуатации.

Маркс писал ещё в «Ницете философии», что для того, чтобы «правильно судить о феодальном производстве, нужно рассматривать его как способ производства, основанный на антагонизме»²⁵. Экономические законы существуют не где-то в стороне от этого антагонизма классов. Напротив, «использование экономических законов всегда и везде при классовом обществе имеет классовую подоплёку»²⁶. Поэтому-то закон феодальной ренты и смены её форм является не «скелетом», а облекается конкретно-исторической плотью и кровью, ведёт к пониманию «фактических социальных проявлений присущего производственным отношениям антагонизма классов», к феодальной политической надстройке, охранявшей господство классов феодалов, к феодальным взглядам, бытовым и семейным отношениям и т. д., — словом, в конце концов показывает, как говорил Ленин, всю данную общественную формацию «как живую». Вот почему неправы и те историки, которые предлагали периодизацию всей истории СССР эпохи феодализма ограничить периодизацией по формам ренты.

Экономические законы феодализма важны далеко не только для изучения средних веков. Знание этих объективных законов необходимо для правильной ориентировки в новой и новейшей истории, в современном положении всех тех стран, где налицо значительные массы крестьянства, где налицо пережитки феодализма. Опираясь на марксову теорию земельной ренты, коммунистические партии стран народной демократии осуществили великие аграрные реформы, навсегда покончившие с феодальным наследием и обеспечившие нерушимый союз рабочего класса с крестьянством. В колониальных и полуколониальных странах империализм кровно заинтересован в сохранении и укреплении феодальных отношений. В результате хозяйничанья империалистов и сохранения феодальных пережитков огромные массы сельского населения этих стран живут в голоде и нищете. Их борьба — это борьба одновременно против империализма и феодализма; каждый удар по феодализму является вместе с тем ударом по империализму. Аграрная антифеодальная программа коммунистических партий всего мира зиждется на прочном фундаменте марксистской теории земельной ренты.

²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. V, стр. 374.

²⁶ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 49.